

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Детство	7
Глава 2. Первый класс. Кызыл.	29
Глава 3. Развод родителей.	40
Глава 4. Мама заболела.	43
Глава 5. Смерть мамы	51
Глава 6. Похороны	56
Глава 7. Бабушка — глава семьи	58
Глава 8. Школа.	67
Глава 9. Выбор профессии. Театр.	72
Глава 10. Последняя встреча с папой	86
Глава 11. Поступление в театральный	94
Глава 12. Первый муж. Знакомство и свадьба	112
Глава 13. Рождение Андрея.	137
Глава 14. Карьера модели	168
Глава 15. Сложности в семье	189
Глава 16. Муж стал звездой.	198
Глава 17. Магазин на диване.	214
Глава 18. Мои роли в исторических фильмах	224
Глава 19. Переезд из коммунальной квартиры	247
Глава 20. Съёмки в фильме «Коля»	253
Глава 21. Развод с первым мужем	268

Глава 22. Сын взрослеет.	283
Глава 23. «Норд-Ост»	290
Глава 24. Андрей. Выбор пути.	312
Глава 25. Мои роли в кино	336
Глава 26. Губернский театр	369
Глава 27. Последнее путешествие Андрея	372
Глава 28. Андрея больше нет	386
Глава 29. Жить дальше.	398

Глава 1

ДЕТСТВО

Вспоминая свою жизнь, я листаю память, словно альбом с фотографиями, вглядываясь в родные лица, вспоминая голоса, улыбки. И все они, даже давно уже ушедшие, оказываются вновь здесь, рядом со мной.

Вот моя бабушка. Она украинка, родилась в 1912 году в селе Новая Водолага, близ Харькова. Это село, основанное приблизительно в 1675 году полковником Григорием Донцом, было большое, зажиточное и очень живописное. Бабушкина белая хата-мазанка находилась в самом центре села. Просторная, ладная, крытая камышом (многие из вас такие хаты могли видеть в фильмах «Вечера на хуторе близ Диканьки» или «Свадьба в Малиновке»), практически ничем не отличалась от соседских. Бабушку звали Анна Дмитриевна, в девичестве Черногорцева. Один из моих прадедов был из оседлых цыган, и, вероятно, когда он родился, табор проезжал какие-то холмы, отсюда и фамилия. Бабушка была кареглазой, со смуглой кожей. Она рассказывала нам с сестрой, что папина фамилия ей не особо нравилась, сверстники подразнивали ее, в шутку называя «черная». И она взяла фамилию своей мамы Арины, стала Лихобаба. По-украински она произносится приблизительно так — ЛыхАбаба и перево-

дится как лихая женщина, хотя слово «лихо» иногда трактуют как слово «горе». ГОРЕбаба — тоже занятно. Для русского уха фамилия ее звучала забавно, но для украинцев это обычное дело, соседку нашу, например, звали Зоя Рябокобыла. Лихобабой бабушка пробыла недолго, вышла замуж за моего деда, очень красивого мужчину по имени Иван Ступак и стала Ступаковой. Бабушка сетовала на то, что паспортистка записала фамилию неверно, фамилия Ступак не склоняется, но оплошность не сразу была ею замечена, и менять документы она не стала. Довольно скоро у них родилась моя мама — это произошло 3 мая 1938 года. Девочку назвали Людой. Три года спустя появился на свет сын Борис. Это было в 1941 году, но точная дата рождения ребенка неизвестна. Будучи еще совсем младенцем, месяцев шести-девяти от роду, мальчик заболел воспалением легких, и несмотря на то, что бабушка перепробовала все способы, которыми на тот момент располагала медицина, спасти его не удалось, сгорел, как тогда говорили, за три дня. Бабушка считала, что ребенка «сглазили» и что было бы лучше, если бы она пошла к бабке, а не к врачам. По бабушкиным словам, Боренька родился очень красивым и ладным, мама же в детстве не блистала красотой, была слишком худенькой.

Я не знаю, успел ли дед увидеть своего новорожденного сына — в самом начале войны он ушел на фронт. В нашей хате немцы основали свой штаб, а бабушке и маме пришлось переехать в землянку, которую они вырыли во дворе. Было голодно. Но немцы, как рассказывала бабушка, были «добрые» — иногда угощали маленькую Люсю шоколадом, а ей позволя-

ли забирать из мусора картофельные очистки — бабушка их мыла, отваривала или делала драники. При этом в селе за воровство фашисты расстреливали на месте, безо всякого суда и следствия.

Но жизнь продолжалась. Вот передо мной мамин фото. Она здесь еще совсем девочка, маленькая и невероятно худая. Смотрит в камеру огромными глазами, скулы выпирают, ручки-ножки тоненькие, как веточки. Видно, что этот ребенок никогда не ел досыта. Что неудивительно, времена были тяжелые, и мало было семей, у которых холодильники ломались бы от изобилия еды. Да и не было их тогда, холодильников. На маме симпатичное платьице, но оно ей явно велико. Как объясняла мне потом бабушка, в этом платье (специальном платье для парадных фото) тем летом фотографировались все девочки, потому что другой, более приличной, одежды ни у кого не было.

Бабушка билась, как могла, стараясь прокормить дочь. Что-то удавалось вырастить на собственном огороде, но денег все равно катастрофически не хватало. Впрочем, по тем временам это мало кого удивляло.

Когда она рассказывала мне о своей юности, я, воспитанная советской школой, все никак не могла взять в толк, почему же им тогда так тяжело жилось. Это были 30-е годы, мирные и, как рассказывалось в учебниках истории, вполне зажиточные. Мы все знали — из фильмов и песен, — как хорошо было тогда в стране Советской жить. А бабушка почему-то говорила, что они голодали, причем настолько, что от голода погибали целые семьи. Уже потом, повзрослев, я поняла, через что им пришлось пройти в то время.

Закончилась война, но дедушка домой не вернулся... Бабушка продолжала выбиваться из сил, пытаясь свести концы с концами. После войны и без того выбивающиеся из сил сельские жители были обременены новыми налогами. Такими, например, как налоги на деревья. В глубине двора бабушкиного дома росли роскошные пирамидальные родовые тополя, которые помнили еще дедов и прадедов. И когда их пилили — плакали. А когда бабушка решила построить возле хаты еще небольшой флигелек, спланировала все так, чтобы на улицу выходило только одно окно, а остальные три смотрели во двор. Считалось, что, если на улицу выходит много окон — значит, внутри много комнат, а, стало быть, семья зажиточная, можно налог и повысить.

Чтобы хоть как-то свести концы с концами, бабушка ездила из своего села в город менять одежду на еду. Одежду шила сама, была счастлива, если удавалось раздобыть отрез ткани, бесконечно перелицовывала старые вещи, штопала, ставила заплатки. Потом складывала все это в простыню, завязывала большим узлом и с этим узлом на плече отправлялась на станцию. Запрыгивала на подножку проходящего мимо станции поезда и ехала до города в полуоткрытом тамбуре. Все это было небезопасно, зато бесплатно. Приехав в город, отправлялась на стихийный рынок, так называемую толкучку, и, пока ей не удавалось раздобыть хоть какую-то еду, домой не уезжала. Однажды в поезде к ней подседа какая-то женщина и принялась ее внимательно разглядывать. А потом говорит: «Хотите, я вам погадаю?» Бабушка тысячу раз потом пожалела, что согласилась. Но тогда она была

молода и любопытна. «Мне вас очень жалко, — сказала женщина, взяв ее руку, — у вас уже один ребенок умер. Смотрите, как бы не умер второй!» Бабушка выдернула свою руку из ее ладоней и крикнула, чтобы та замолчала.

А женщина оказалась права. Я не знаю, как это получается — сами ли мы формируем предсказанные нам события, постоянно возвращаясь мыслями к страшным картинам, нарисованным нам когда-то цыганкой, или действительно на свете существуют люди, способные за минуту подключиться к высшим сферам и просмотреть всю нашу жизнь, как фильм на ускоренной перемотке. Но так или иначе это иногда работает. И лучше не играть в эти игры. Бабушка, кстати, и сама умела карты раскладывать и видеть там что-то, но никогда этим не злоупотребляла. И осуждала людей, которые балуются черной магией, привораживают, делают магические заговоры на смерть и все такое прочее.

Впрочем, до тех ужасных дней, когда предсказания страшной попутчицы стали сбываться, было еще очень далеко.

Я смотрю на свадебную фотографию своих родителей. Это очень красивая пара. Встретились они в городе Ростове-на-Дону. Моего папу звали Владимир Трофимович, его маму, мою вторую бабушку — Анастасия Григорьевна, а его отца — Трофим Евдокимович. Папа мой родом из Горловки (позже переехал жить в небольшой город Артемовск), он был профессиональным музыкантом, играл на гобое в лучших симфонических оркестрах страны. В то время, поми-

мо столичных, славились горьковский (ныне Нижний Новгород) и ростовский (Ростов-на-Дону) оркестры, они были большие и по советским временам просто роскошные. Папе предложили работу в этих двух оркестрах на выбор, и он предпочел Ростов-на-Дону, поближе к родному городу. Мама в то время училась там в мединституте. Любовь, как водится, нагрнула нечаянно.

А спустя некоторое время на свет появилась девочка по имени Ира Бахтура. Именно так меня звали в детстве. Я родилась 11 апреля 1965 года, в центральной городской больнице Ростова-на-Дону. Ростовчане называют ее по аббревиатуре — ЦГБ (с характерным фрикативным гэ), и находится она на одной из центральных площадей города. Когда пришло время нас с мамой выписывать из роддома, папа пришел за нами и пешком отнес меня в общежитие, располагавшееся на улице с красивым названием Турмалиновская, где у родителей была тогда комната. Это было общежитие творческих работников, и населяли его сплошь очень интересные неординарные личности и члены их семей. Наша комната была просто роскошной по тем временам, целых 25 метров. Там были встроенные шкафы, антресоль, словом, все, что было нужно для комфортной жизни.

А вот на этой фотографии — я, собственной персоной. Мне тут год или около того. Я карапуз, одетый в кофточку и ползунки, про мои пухлые щеки в народе говорят: «Из-за спины видать». Боже мой, неужели это действительно я?

Мама родила меня, не успев окончить медицинский институт, и для того, чтобы получить диплом и

стать врачом, ей не хватило буквально года. В результате мама стала фельдшером, работала операционной сестрой, а в свободное время изготавливала препараты как провизор (у нее был диплом фармацевта) и делала на дому уколы всем соседям. Я помню шприцы, которые постоянно кипятились на нашей плите в жестяной коробочке, помню, как мама достает их специальным пинцетом и бросает на поддон, вынимает ампулы, надевает идеальный белый накрахмаленный халат (других мама не признавала, и я до сих пор помню свежий запах этого халата) и идет спасать соседей. А я постоянно играла в доктора и мечтала, когда вырасту, тоже стать врачом, как мама.

Вот еще одна фотография. На ней я и моя младшая сестра Оля. Обе в роскошных по тем временам платьях. Мама специально нарядила нас красиво, для фотографии. Эти платья — немецкие. В нашей семье в то время было много немецких вещей. Так получилось, что моя младшая сестра (совершенно неожиданный факт ее биографии!) родилась в городе Потсдаме.

Как родителей занесло в те времена в Германию? Однажды папе предложили поработать в ГДР. В то время Берлин был разделен на две части, нашу и американскую. Посреди города была возведена стена, и по одну ее сторону стояли американские войска, по другую — наши. Папу пригласили работать в оркестр нашей воинской части, в музыкальный батальон. И мы всей семьей отправились туда. Там, в городе Потсдаме, родилась моя младшая сестра Оля.

У нас с ней очень маленькая разница в возрасте, год и четыре месяца. То есть, когда мама забеременела, я была совсем еще крошкой. Женщины в такой

ситуации, как все мы знаем, разные решения принимают. И сейчас я бесконечно благодарна маме, что она решила все-таки родить сестренку. Хотя даже не представляю, чего ей это стоило. Мама, приехав в Германию, стала подрабатывать уборщицей. Больше никакой работы ей предложить не могли, а деньги были очень нужны. Она брала как можно больше нагрузки, мыла подъезды и лестницы, несмотря на то что была уже беременна Олей и растила годовалую меня. Я рассматриваю ее фото того периода и ужасаюсь — она выглядит крайне болезненно, под глазами круги, которые видны даже на черно-белой фотографии не лучшего качества. Но мама всегда была бойцом и никогда не сдавалась.

Как гласит семейная легенда, первое, что я сделала, увидев новорожденную сестру, которую принесли домой и положили на кровать, — стянула ее за ногу на пол. Видимо, я решила, что это кукла, и планировала с ней как следует поиграть. Впрочем, происшествие закончилось хорошо — судя по тому, что сейчас с Олиной головой все в порядке, до пола она не долетела, успели перехватить.

Примерно к этому же моменту относятся и мои собственные первые воспоминания. Я помню очень высокую кровать, железную, с массивными шарами по углам спинок. Я спала на ней, а потом проснулась и поняла, что мне срочно надо на горшок, а спуститься с кровати самостоятельно ну никак не могу, уж слишком она высокая. И я, как Алиса в Стране чудес, сижу на этой верхотуре, свесив ножки, и не знаю, что мне делать. Когда я рассказала родителям, что помню этот момент, они были страшно удивлены, потому что счи-

тали, что ребенок в таком возрасте (а было мне никак не больше полутора лет) еще толком ничего не осознает. А еще я ясно помню, что стою на лестничной площадке около двери в квартиру, где мы жили, и наблюдаю, как грузчики пытаются затащить к нам в дом пианино. Родители очень хотели, чтобы мы начали учиться музыке как можно раньше, и накопили денег на хороший инструмент, пусть и подержанный, но немецкого качества. И вот я стою и смотрю, как четверо солдатиков несут это пианино, мучаются, пытаюсь как-то протаскать его по лестничному пролету и внести в квартиру, а дверной проем очень узкий и у них никак не получается это сделать, не зацепив дверной косяк и не поцарапав инструмент. Этим воспоминанием я тоже изрядно удивила родителей, мне тогда не было и двух. А пианино это я хорошо помню — черного дерева, старинное, сделанное на совесть, — оно потом с нами уехало в Ростов, и папа меня учил на нем играть. Помню, что я сижу у него на коленях рядом с инструментом, а он одним пальцем нажимает на клавиши и говорит: «Подрастешь — будем учиться».

Папа мой был мужчина темпераментный. Однажды он поссорился со своим коллегой-барабанщиком и, не совладав с эмоциями, прямо во время концерта подошел к нему и проткнул гвоздем его огромный барабан. Такого вопиющего нарушения трудовой дисциплины папе простить не смогли, его депортировали из ГДР. Мы вернулись в Ростов.

Кроме пианино с нами в Ростов уехала масса роскошных, по тем временам, вещей. Мы все прекрасно помним, что в советских магазинах в ту пору не было ничего, кроме хлеба, консервов, плавленых